Татьяне Широковой и Владиславу Черняеву
с благодарностью

«Песни гражданского содержания – мой метод борьбы с несправедливостью, ложью, злом, и, несмотря ни на какие препятствия, я буду бороться до конца. Я знаю, люди слышат меня… Русский народ – самый несчастный в истории человечества, но и самый выносливый, терпеливый, мужественный, история Русской земли тому подтверждение, как и то, что мы до сих пор ещё живы».

Игорь Тальков. «Монолог»

«Я – бард. Я пишу и пою песни о том, что меня волнует. Свобода творчества – мой принцип, а принадлежность к любой политической партии или организации обязывает следовать определенному уставу и правилам. Мой метод борьбы с несправедливостью и злом, за правду и добро – мои песни…. Россия – боль моей души… Бой за добро – суть моей жизни. Если я кому-то и служу, то только Господу Богу, и отчитываюсь за содеянное в этой жизни только перед Всевышним».

Игорь Тальков. «Монолог»

Разверзлись с треском небеса,
И с визгом ринулись оттуда,
Срубая головы церквям
И славя красного царя,
Новоявленные иуды.
Тебя связали кумачом
И опустили на колени,
Сверкнул топор над палачом,
А приговор тебе прочел
Кровавый царь – великий… гений.

(Игорь Тальков. «Россия», 27.03.1989)

Меня словно током ударило, когда летом 1989-го эта песня внезапно зазвучала вечером из ретранслятора полузаброшенного стадиона в маленьком городке Владимирской области, куда я попал в 1987 после медицинского института. Решил «распределиться» в глушь специально – из-за владимирских сосновых лесов, тысячелетних церквей, да еще потому, что мне нужны были три свободных часа в день для занятий литературой. Думалось, что среди леса это время у меня будет, я мечтал о литературе долгие шесть лет в институте. Областная библиотека Рязани позволила прочесть всё у Толстого, Чехова, Бунина, Горького, Булгако-

ва, Паустовского, Шукшина (не говоря про Ильфа-Петрова, Хэмингуэя, Ремарка, Цвейга) и множество книг по философии, психологии, теории литературы, которая казалась мне самой сладкой и высокой сферой приложения человеческих сил. Медицина тоже в моем ряду лучших профессий, ради неё я уехал из дома, поступил в институт, шесть лет корпел на лекциях и коллоквиумах, но литература, как морок, наваждение, все же не отпускала меня. При этом некоторых писательских данных я у себя не находил, требовались три года уединенной работы, чтобы понять наконец, стоит ли этим заниматься.

Деревням, лесам и храмам Владимирской земли я, конечно же, отдал должное, но с литературой не получалось. В крохотной служебной квартирке без ванной комнаты и кладовки (в которых можно спрятаться с печатной машинкой) ютились мы с женой, дочкой и насовсем переехавшей к нам тещей, уединиться дома было совсем невозможно, да ещё, чтобы позволить себе расширение жилья в будущем, приходилось трудиться на полторы ставки с ночными дежурствами почти круглосуточно – какая уж тут литература… Я тосковал, оставаться наедине с собой мог только вечером на городском стадионе, к столбу там был прикручен хрипящий громкоговоритель, он и вынес в сырой владимирский воздух, гудящий от комарья, скорбные звуки главной песни Игоря Талькова:

Листая старую тетрадь
Расстрелянного генерала,
Я тщетно силился понять,
Как ты могла себя отдать
На растерзание вандалам?
О, генеральская тетрадь,
Забытой правды возрожденье,
Как тяжело тебя читать
Обманутому поколенью.

Это было сильно по сравнению с простенькой эстрадой того времени, обычно звучащей из ретранслятора: «Ксюша, Ксюша, Ксюша – юбочка из плюша». «Бухгалтер! Милый мой бухгалтер». Конечно, я хорошо знал и ценил творчество Вертинского, Окуджавы, Шевчука, Гребенщикова, Никольского, Романова, Сапунова, Цоя, но Тальков ошеломил меня: великолепная музыка, проникновенные аранжировки, феноменальная энергетика, хриплый мужской голос делали его песни незабываемыми. Я сразу понял, у нас на эстраду вышел не очередной музыкальный поденщик, «фрик», «поющие трусы» – явился очень талантливый, искренний, мужественный, смелый человек, поднявшийся в рост на поле боя за души людей и нашу историю. После «России» я стал следить за выступлениями Игоря, ещё не зная, что это мой земляк.

К началу 90-х четырехлетний срок моей работы по распределению заканчивался, нужно было думать, как распорядиться свободой. Поехать в Москву или Петербург, чтобы оказаться в центре культурной жизни? Остаться на месте, купив сельский домик для уединенной работы? Вернуться домой, где отец предлагал мне помощь в строительстве дома? Вариант отъезда из России я не рассматривал, для меня это было бы нестерпимо больно. Выбрал возвращение на малую родину. Вместе с отцом и помощниками, которых я всегда вспоминаю с благодарностью, мы выстроили самопальный, грубый, но просторный дом, в котором я наконец-то смог позволить себе отдельный кабинет с письменным столом, библиотеку и благословенные три часа свободного времени для занятий литературой. Одна за другой начали выходить мои книги, из мучительного состояния развоплощенности я понемногу оформлялся в начинающего тульского писателя. Даже одним боком оказаться причастным литературе для меня – огромное счастье, сопряженное, конечно, с трудом и ответственностью, тем настоящим, что наполняет жизнь взрослого человека.

К сентябрю 1991 удалось возвести лишь стены и крышу будущего дома, но я постепенно переправил семью в Щекино – дочери нужно было идти в школу. В трагический для российской эстрады день 6.10.91 мы перевозили на съемную квартиру последние вещи, тянулись на отцовской машине за грузовиком, в котором лежал наш простенький скарб. В еще теплом воздухе Подмосковья висел дым осенних костров, природа казалась безмятежно прекрасной, в стране же творилось невероятное: только что явился и зачах ГКЧП, на глазах разрушился социализм брежневского толка, перестройка завершалась распадом страны, переделом собственности, сломом всего жизненного уклада. Двигались тектонические плиты российской истории, а мы ещё и близко не понимали всей грандиозности назревающей катастрофы. Тогда, в машине, я и услышал первое радиосообщение о гибели Талькова.

С 1991 прошло более четверти века. Идея памятника – пусть не в Москве, хотя бы в Щекино, – все эти годы развивалась. Группа упрямых людей собирала деньги, ходила по чиновным «инстанциям», думала о проекте. В 2013 к собранной сумме местные власти добавили 6 миллионов рублей, нашли питерского скульптора, который взялся за работу. К сожалению, узнав о величине налога на свой гонорар, уже готовый памятник скульптор городу передать отказался. Дело снова сдвинулось с мертвой точки лишь в 2016, когда за дело взялся новый губернатор Тульской области Алексей Геннадьевич Дюмин. Более других тульским заказчикам понравились эскизы подмосковного скульптора Казанского. Бронзовую фигуру Игоря отливали в Жуковском по самым современным технологиям – после сложных математических расчетов по металлическому каркасу вылепили форму, сделали компьютерное моделирование, затем работал промышленный 3Д-принтер. В центральном парке Щекино выровняли участок земли, освободив его от деревьев, проложили новые дорожки, возвели постамент, в первых числах июля установили привезенный в контейнере памятник. Открытие назначили на середину июля 2017-го.

Это был довольно хмурый субботний день, погода только начинала улучшаться после месяца сплошных дождей. Людей в парке собралось не слишком много – друзья и брат Игоря, музыканты, люди городской администрации, несколько стариков из ещё живой советской интеллигенции. Освежали картину молодые мамаши с детьми, привычно гуляющие в облагороженном парке, да любопытствующие прохожие. Над всей компанией возвышался бронзовый Игорь, восходящий по ступенькам символической сцены, как бы обернувшийся оттуда к зрителям. По замыслу заказчиков проекта бронзовая гитара барда осталась возле стула чуть в стороне, объединяло пространство подобие бронзовой тетради в форме паруса, с наполовину прорезанной в этой тетради-парусе чуть приоткрытой дверью в вечность. Выражение лица Талькова – одновременно приветливое и чуть горделивое, – скульптор передал удивительно хорошо. Глядя на собравшихся у микрофона, я думал об Игоре.

Спустя двадцать пять лет после трагедии многое в его жизни выглядит по-другому. Мы уже не проклинаем огульно советское прошлое, оно не кажется нам абсолютным злом. Игорю советская история порой виделась именно так, хотя многие неудачи и трудности его творческой жизни были связаны вовсе не с советским строем. Людям творческих профессий всегда тяжело, почти каждый молодой артист, музыкант, поэт может сказать о себе словами Игоря: «*Мы зубами вгрызались в цепи/Мы ногтями впивались в лед/Прорывали стальные сети/И взлетали, нас били влет…*»

Жизнь делателя в искусстве редко бывает благостной. Счастливые, благополучные люди не пишут хороших стихов и песен. Ведь неспроста поэты, певцы, писатели часто убивают себя сами. Покончили с собой Есенин, Маяковский, Цветаева… Смерти Лермонтова, Пушкина,

Гоголя – тоже разновидности самоубийств, эти гении могли бы легко избежать смерти, они сами стремились к ней! Уничтожили себя Джек Лондон, Акутагава Рюноскэ, Стефан Цвейг, Эрнест Хэмингуэй… Курт Кобейн из «Нирваны» выстрелил себе в голову, Крис Корнелл из «Саундгарден» и Честер Беннингтон из «Линкин парк» влезли в петлю… Творческий человек всегда ощущает себя рядом с могилой, ему тяжело жить. Ещё Толстой сказал об этом так: «*Гладких, жирующих и самодовольных мыслителей и художников не бывает. Духовная деятельность и выражение её… есть самое тяжелое призвание человека – крест, как выражено в Евангелии. И единственный, несомненный признак присутствия призвания есть самоотвержение, жертва собой для проявления вложенной в человека на пользу другим людям силы. Без мук не рождается и духовный плод*» (ПСС, Т.25, Стр. 373).

Вдобавок к изначальным творческим нестроениям Игорю довелось жить «в эпоху перемен» – по мнению китайцев это самое страшное бедствие. В XX веке с 1905 по 1995, то есть всего за 90 лет – иногда человек живет дольше! – Россия пережила пять войн (Японская, Первая мировая, Гражданская, Вторая мировая, первая чеченская) и пять революций (1905, Февральская, Октябрьская, революция Хрущева с бунтом против Сталина, перестройка и разрушение страны Горбачевым, Ельциным). И если Февральская, Октябрьская, Хрущевская революции скрашивалась надеждами на лучшее будущее, то возвращение к дикому капитализму в 90-е энтузиазма у глубоких людей вызвать не могло. Многие из нас жили в эпоху распада СССР, но Игорь острее других переживал растерянность народа и небывалое унижение России.

Ситуация и вправду была трагическая. После Горбачева при Ельцине Россия чудом не развалилась подобно СССР. Игорь поначалу радовался обрушению коммунизма, но вскоре почувствовал, что многое идет не так, ведь люди наверху остались прежние. В 1991-м начинался период народного сопротивления распаду, который в 1999-м перерастет в смену лидеров на самом верху. Что бы там не говорили, Тальков был не только певческим катализатором первоначального распада, но и одной из фигур последующего сопротивления.

История его семьи, рода трагична, по родным в советское время будто катком проехали! Его бабушка по материнской линии – Татьяна Ивановна Мокроусова, русская крестьянка из Ставропольского края. Дедушка – русский немец, кожевенник Юлий Рудольфович Швагерус, что родился в селе Иноземцево, недалеко от Пятигорска, был потомком тех самых немцев, которых пригласила в Россию Екатерина II. Ольга Юлиевна, будущая мать певца, появилась в этой семье в 1924, когда в российских селах ещё царил голод, крестьяне только начали отходить от Гражданской войны и продразверсток. Спасаясь от бескормицы семья Швагерус перебралась в Минеральные Воды, прихватив с собой корову, но их тут же начали раскулачивать – корова была уже непозволительной роскошью! Спасло семью рабоче-крестьянское происхождение Татьяны Мокроусовой. Она собрала надлежащие справки, но с коровой все-таки пришлось расстаться. Корова могла стать основой небольшой семейной самостоятельности, а новые власти хотели, чтобы люди превратились в послушные винтики системы. (При Хрущеве даже цыплят держать было предосудительно. Моя теща, на тот момент главный врач санатория в Петрозаводске, завела цыплят в сарайчике возле квартиры, – кормила их сквашенным грудным молоком, надеясь побаловать маленьких дочек домашними яйцами, – но тут же попала на доску позора как мелкобуржуазная отступница, предавшая «идеалы коммунизма»). Юлий Рудольфович Швагерус был трудолюбив, одарен многими талантами: занимался в Минеральных Водах кожевенным делом и параллельно играл в спектаклях, музицировал, работал в городском самодеятельном театре как режиссер. Ольга Юлиевна переняла многие черты отца – тоже любила театр, искусство, много читала, играла на нескольких инструментах.

Благодаря трудолюбию Юлия Рудольфовича его семья без потерь пережила голод 1933, связанный с коллективизацией. К 1939-му жизнь в СССР немного наладилась, если не считать репрессий 1937-1938, семья Швагерус получила собственную квартиру в Пятигорске. Но тут началась война с Германией, русских немцев объявили очередными «врагами народа», принялись выселять их в Сибирь и Среднюю Азию подальше от линии фронта.

До войны Ольга Юлиевна считала себя убежденной комсомолкой, по её словам «верила в идеалы коммунизма». Когда же их начали выселять и репрессировать – порвала в клочки комсомольский билет, стала смотреть на мир другими глазами. В ссылку семье разрешили взять по пятьдесят килограммов вещей на человека: репрессированные везли с собой продукты и одежду, которую затем два года обменивали на еду. Деньги тогда не котировались, за них мало что можно было купить. Ольге Юлиевне в это время выдали паспорт, и отец настоял, чтобы дочь «записалась как русская». При высылке Юлий Рудольфович хотел, чтобы жена публично отреклась от него, сохранив квартиру в Пятигорске, но Татьяна Ивановна отрекаться от мужа отказалась, поехала за ним в ссылку. Через шесть месяцев после переезда в Томскую область Юлия Рудольфовича совсем лишили семьи, отправили на принудительные работы в Усманку, а домашних готовили к депортации на Кемеровские шахты в Прокофьевск. Чтобы избежать этого, Ольга Юлиевна вышла замуж за местного деревенского парня Николая, бригадира рыболовецкой бригады.

Этого Николая, первого мужа Ольги Юлиевны, классово озабоченная власть тоже не жаловала. Несколько раз его возвращали с призывного пункта – он происходил из семьи «середняков», которых власть решила приравнять к «кулакам», а таких на фронт брали в последнюю очередь. Николай вынужденно кормился рыбалкой, много ездил, однажды не успел встать на воинский учет в трехдневный срок. Это был конец… его стали преследовать как дезертира. Николай ушел в подполье, скрывался в лесу, Ольга Юлиевна присоединилась к мужу, пережив трагедию подобно героине из повести Распутина «Живи и помни». Вдвоем они скитались несколько месяцев, Ольга забеременела. Подступала зима, Николай отправился в свою деревню за продуктами и теплыми вещами для беременной жены, попал в засаду – в него стреляли. Получив ранение в живот, Николай застрелился, поняв, что будущего у него нет.

Беременную Ольгу и всю семью Николая арестовали, осудили как пособников дезертира по статье 206, в КПЗ у нее родился первенец Виктор. В лагере «зека» организовали для себя отдушину – самодеятельный театр. Ольга стала в нем артисткой и помощницей режиссера. С выступлениями ездила по лагерям, в театре же и познакомилась с отцом будущего певца – Тальковым Владимиром Максимовичем. Он был профессиональным драматическим артистом, родился в Польше: мать полячка, отец – украинский казак. (В Игоре смешалась русская, немецкая, польская, украинская кровь, представляю, как он сейчас мучился бы из-за русско-украинского конфликта). Ещё в 1914-м семья Владимира Максимовича перебралась из Польши в Россию, он принял революцию, стал убежденным коммунистом, но был арестован и попал в лагерь. От Владимира Максимовича в лагере у Ольги Юлиевны родился старший брат Игоря – Владимир Тальков. Дети заключенных жили вне лагеря, считались вольными людьми, Ольгу Юлиевну водили кормить малыша под конвоем вместе с другими мамашами. По дороге, иной раз, охранники издевательски командовали – «Ложись!» – и кормящие матери, с мокрыми от молока грудями, должны были падать в грязь на дороге…

Юлий Рудольфович Швагерус во время войны работал на строительстве железной дороги Абакан-Тайшет, а после войны его «переслали на Тульские шахты». Здесь добывали каменный уголь, из которого делали газ для Москвы, углем топили печи домов и металлургических произ-

водств, на шахтах в сталинское время привычно использовали репрессированных. Пока дочь Ольга находилась в лагере, Татьяна Ивановна приехала к мужу в Щекино и вскоре умерла здесь в свои 47 лет от несчастий и тягот. Ольга Юлиевна после освобождения тоже отправилась в Щекино – к живому отцу и могиле матери. После освобождения к ней перебрался муж, Владимир Максимович Тальков. Долго жили по съемным комнатам, но в 1956-м Юлий Рудольфович нашел им отдельную квартирку на окраине Щекино в деревне Грецовка. Там и родился Игорь Тальков 4 ноября 1956 года. Щекино позволяло бывшим репрессированным нормально жить и работать – из Грецовки семья перебралась в барачную двухкомнатную жилплощадь возле городского родника, а в 1970-м получила, наконец, нормальную трехкомнатную квартиру с балконом на улице Лукашина, в пятиэтажном кирпичном доме. Балкон казался им тогда невероятной роскошью…

Игорь был очень одаренным ребенком. Его артистическое призвание дало знать о себе рано, с детства он любил переодеваться (в том числе в женское платье и костюмы животных), устраивал с братом дома «концерты»: мальчики сооружали подобие сцены, вместо инструментов использовали кастрюли, стиральную доску, ложки, поварешки. Отец мальчишек, Владимир Максимович, и они сами писали стихи. Игорь пробовал петь уже подростком, но получалось хрипло из-за хронического воспаления голосовых связок.

Новая школа рядом с домом Игоря почему-то не устроила, он продолжал бегать через железную дорогу в школу № 11. Видимо, главная причина была в том, что смена места жительства и учебы в то время грозила конфликтами со сверстниками. Не только у взрослых, у мальчишек тоже была послевоенная психология, они делили мир на врагов и своих, подростковые группировки непрерывно сражались между собой. Но для Игоря сам переезд оказался легким – бывшие враги быстро признали его музыкальный талант, братьев Тальковых то и дело приглашали музицировать на семейных торжествах. Владимир играл на гитаре, Игорь – на баяне.

В 1970-м Игорь закончил музыкальную школу и твердо объявил всем: «Я буду петь!» Над ним смеялись, – «а чем же ты будешь петь?» – но Игорь не собирался отказываться от мечты, поехал в Москву к знаменитому доктору Стрельниковой, которая много работала с артистами. У Талькова обнаружился хронический ларингит, он стал делать дыхательную гимнастику, лечиться и у него прорезался небольшой хриплый голос, хотя ларингит не отпускал Игоря всю жизнь, после концертов ему было трудно говорить, пел он всегда чуточку в нос, как простуженный.

Игорь с юности нравился девушкам. Ещё учась в старших классах, он дружил с юной Светой Вепренцевой, окончившей тульское музыкальное училище имени Даргомыжского. Дома у нее имелось фортепиано. Чуть позже Тальковы взяли напрокат для себя инструмент – за четыре рубля в месяц. Света обучала Игоря игре на фортепиано и нотной грамоте, на Игоре держалась вся художественная самодеятельность школы. К старшим классам он стал участником сразу нескольких ВИА, в армии (стройбат в Нахабино) создал ещё один ансамбль, после армии устроился в группу «Фанты» при Тульской филармонии, где он и Света работали вокалистами. К этому времени Тальков уже вовсю писал музыку и стихи, мог часами переделывать какую-нибудь музыкальную фразу, привязывая её к строчке. Параллельно Игорь много читал. Осознавал действительность он быстро и глубоко. Учась в школе, ещё верил в Ленина, Брежнева, мог сказать матери:

– Мама, если ты ещё раз тронешь Брежнева, я убегу из дома!

Но сразу после армии он основательно взялся за собрание сочинений Ленина, книги по истории, русскую классику. За пять-шесть лет прошел огромный интеллектуальный путь, 25-летним записывал в дневнике:

«Богом, правдою и совестью оставленная Россия, – куда идешь ты в сопутствии твоих воров, грабителей, негодяев, скотов и бездельников» (Ал. Сухово-Кобылин, 1855 г. Из дневника) Прошло 127 лет с момента написания этих строк. И что изменилось? Произошла революция. Ну и что? Все так же, только поменялись воры, грабители, негодяи, скоты и бездельники. Куда же ты теперь идешь, Россия? К коммунизму? Само название которого давно уже дискредитировали сами коммунисты. К социализму, при одном упоминании о котором людей начинает тошнить? Куда идти? В кого верить? Во что верить? Раньше хоть люди верили в Бога. А сейчас ни во что не верят». (1982)

В тульских «Фантах» Игорю, конечно же, было тесно. Его тянуло в столицы – он любил Питер и Москву, часто ездил к родственникам в Москву на электричке. Сразу после школы хотел поступить в столичное театральное училище, но срезался на незнании романа Горького «Мать». Теперь, оставив тульские «Фанты», Игорь отправился работать в Сочи, пел там, в ресторане гостиницы «Жемчужина». Участвовал в песенном конкурсе «Сочи-82», выступая с песней «Журавли» Яна Френкеля в собственной аранжировке. Тут же, в Сочи, познакомился с испанским певцом Митчелом, который подарил ему длинный кожаный плащ, отображенный теперь в бронзе памятника. Для Митчела собрали музыкальную группу, которая затем трансформировалась в ВИА «Апрель». Работали они в стиле джаз-рок, репетировали с десяти утра до двенадцати ночи, конструировали самопальную музыкальную аппаратуру, работали над световыми эффектами. Здесь Тальков довел до совершенства свое владение гитарой, научился делать сложные аранжировки. Но вскоре «Апрель» распался, Игорь переехал в Питер, устроился вокалистом ВИА «Лира». Ансамбль обосновался в Питере, хотя зарегистрирован был от Сыктывкарской филармонии. На гастролях ансамбля Игорь пытался исполнять свои песни, но руководители концертных залов и филармоний мешали:

– По какому праву вы поете свои песни? Вы не входите ни в Союз композиторов, ни в Союз писателей. Где ваши регалии?

Игорь много раз делал заявки на участие в концертах со своими песнями, но всякий раз получал отказ. Он срывался, впадал в депрессию, пил, однажды пытался покончить жизнь самоубийством…

Его выручили характер и недюжинное мужское обаяние. В Питере Игорь сблизился с известной советской певицей Людмилой Сенчиной, полностью переделав её репертуар, параллельно работая аранжировщиком у Стаса Намина. Затем у Талькова начался бурный роман с Маргаритой Тереховой. Наверное, она многое дала Игорю в духовном плане, ведь это одна из лучших советских актрис. Терехова долго работала в театре им. Моссовета, блистала в фильмах «Бегущая по волнам», «Зеркало», «Собака на сене», «Д-Артаньян и три мушкетера» – человек большого ума, обаяния, таланта и красоты, с неповторимой манерой существования в кадре. Имея сотни поклонников и бесконечные признания в любви, она жила с двумя детьми, так и не встретив мужскую родственную душу. В 1983 ради Игоря ушла из театра и три года, с 1983 по 1986, работала с Тальковым в совместном театральном коллективе «Балаганчик». Она была старше Игоря на 15 лет, Тальков называл её Марго, часто приходил к ней в гости, оставался ночевать. Считается, что песня «Мне нравится смотреть на город из твоего окна» – как раз об окне Тереховой. Но и тут его что-то не устроило. Ему хотелось петь свои песни, быть на виду, роман с Марго, видимо, начал тяготить его. Тальков часто расставался с женщинами, страдая от своего непостоянства. Бросить Маргариту Терехову, ради него ушедшую из театра, было нелегко, наверное… Может быть поэтому он писал о любви такие грустные песни. Говорил, что *«веселых песен о любви быть не может. Настоящая любовь – это идеал, а путь поиска этого идеала сопряжен с тяжелыми душевными страданиями и трагическими разочарованиями…» «Любовь – это принцип*

существования всего сущего на Земле. Ради нее и во имя ее рушатся и возрождаются государства, системы, миры… Любовь – это стимул жизни, вечный поиск, единственная возможность роста и самосовершенствования. Мне 34 года, 30 из которых я нахожусь в поиске. Впервые я влюбился в 4 года… Она была старше меня лет на двадцать или тридцать… Люди, наделенные способностью влюбляться, как правило, фантазеры. Влюбленность – это ещё далеко не любовь… Мы начинаем наделять тех, кто затронул струны нашей души, качествами, не присущими им. И когда чаша несоответствия переполняется, наступает пустота, вакуум, который ничем не заполнить. В такие минуты хочется уйти от мира, от себя, а порой и из жизни…» (Из книги «Монолог»). Похоже, расставания дались ему нелегко, пустоголовым мужланом с гусарскими комплексами Тальков не был, просто творческую свободу он ценил выше, чем отношения с женщинами.

Порвав с Тереховой, Игорь переехал в Москву, чтобы выступать с ансамблем «Электроклуб», который возглавлял и продюсировал Давид Тухманов. Это был точный выбор, именно с «Электроклубом» Игорь получил всероссийскую известность. Он работал здесь вокалистом, аранжировщиком, пел один и с второй солисткой ансамбля Ириной Аллегровой, победил с ней в конкурсе «Золотой камертон». Игорь аранжировал песню Тухманова «Чистые пруды» и очень ярко выступил с ней на «Песне-87» в Останкино. Ему стало поступать много предложений о сотрудничестве, летом 1988 он ездил на гастроли с «Музыкальным театром Аллы Пугачевой», но пришла пора начинать самостоятельную работу. Игорь принялся создавать ансамбль «Спасательный круг» – назвал группу так, потому что сцена и творчество много раз спасали его в тяжелые периоды жизни. Группа репетировала у Игоря на московской квартире, вскоре начались гастроли, обстоятельства тому благоволили, в стране наступил период небывалой свободы – творческой, экономической, сексуальной, бандитской, – тут и там появлялись самопальные кооперативы, организующие концерты артистов в обход филармоний. Они платили от 20 до 50 рублей за концерт, не вмешиваясь в репертуар исполнителя, лишь бы тот собирал зал.

В августе 1988 набирающего популярность Игоря пригласили выступить на телевидении в известной программе «Взгляд», где он, без разрешения ведущих, в прямом эфире исполнил несколько своих политических песен. И все же главный прорыв к всесоюзной известности произошел в 1989. На гастролях в Астрахани Тальков ночью написал свою главную песню «Россия». Игорь предложил её ведущему популярной телепередачи «До и после полуночи»: *«Владимир Кириллович Молчанов… рискуя потерять работу, наживая себе массу неприятностей, отважился дать на всю страну… горемычную, считавшуюся властями криминальной, «Россию»… В первый и последний раз в жизни для меня был сделан бесплатный клип» (Из книги «Монолог»).* Дальше началось невероятное. Потрясенные люди звонили на телевидение и домой к Игорю, рыдали в трубку, некоторые ругались, большинство аплодировало. Это был всенародный успех.

К этому периоду жизни мировоззрение Игоря полностью сформировалось. Изучение текстов Ленина показало Игорю, что Ленин презирал и не любил русский народ. Талькова это сильно ударило. Страдания своей семьи и почти все народные проблемы он возложил на Ленина, КПСС и красный проект. Игоря можно понять. Он был человеком пристрастным, формировал свое мировоззрение «на коленке», урывками, так и не получив после школы систематического образования. Едва он оставался в покое, в руках у него появлялись историческая книга, репринтное издание зарубежного текста. Все это создавало протестное настроение, передаваемое в текстах песен, которые он писал где угодно – в метро, в машине, ночью в тетради, которая лежала под подушкой или на тумбочке.

По своему характеру он не терпел полутеней, рвался в бой «с несправедливостью, ложью, злом», и мы любим его не за ошибки и заблуждения – нет, за искренность, смелость, детскую непосредственность, с которой он вел свою битву. Он иногда заблуждался, но в нём не было самого страшного – равнодушия к Богу, людям и своей стране, – он масштабно думал и глубоко чувствовал земное несовершенство ещё подростком:

«*Первый вопрос, который я себе задал, это было очень давно, лет в 13: Кто я? Почему я родился на этой земле? Что такое смерть? Почему, если мы умираем навсегда и никогда больше не будем жить, к чему тогда эта жизнь? Почему нас учат добру и делать только добро, когда все равно мы превращаемся в прах?» (Из интервью Сочинскому телевидению в июле 1991).*

Своих идеологических «противников», то есть людей не вполне разделяющих его взгляды, он яростно пытался растоптать, дипломатичность не была ему свойственна даже в малой степени:

Они не думают, не чувствуют, не слышат,
Они не видят ни зги.
Они не любят, не страдают, не ищут,
Не напрягают мозги.
У них руки – лопаты, глаза – пятаки,
А вместо лиц – квадратные совки.
Совки, не отдадим мы вам страну!
Совки, мы объявляем вам войну!

Он все время перегибал палку, такой уж характер. В советском прошлом помимо убийц, палачей, стукачей, карьеристов и приспособленцев, было много порядочных и честных людей, которые искренне хотели своему народу блага. Не вина их, а скорее беда в том, что честность, порядочность одурманенных пропагандой людей использовали политические проходимцы. Нельзя всё в прошлом вымазать черной краской, не имеем на это мы права, нужно стараться быть объективными. Но Игорь рубил с плеча, этим и нравился многим, выбирающим простые решения. Видя свою популярность, Игорь начал воспринимать себя мыслителем государственного уровня. Неоднократно со сцены обращался к президенту, «господам-демократам», КПСС, а в 1991 написал письмо Ельцину с волнующими его вопросами.

И тут он сделал ошибку, на мой взгляд, стоившую ему жизни. Опрометчиво начал сотрудничать с Д. Васильевым, лидером националистической организации «Память». Кроме рассуждений на тему «возрождения национальных традиций», «пробуждения русского национального духа» Васильев говорил о России для русских, выступал как юдофоб, а этого в многонациональной России позволять себе нельзя. Национализм в России разрушителен. Хотя Игорь разделял лишь некоторые взгляды Васильева, он вместе с другими артистами был приглашен на презентацию газеты «Память». Организаторы презентации срежиссировали фольклорный праздник с перезвонами колоколов, игрой на гуслях, духовными песнопениями… Тальков тоже исполнил несколько песен, зрительный зал был в восторге. Васильев прямо на сцене благодарно обнял Игоря, поцеловал его – фотографии этих объятий и поцелуев оказались в газетах. Многие издания представили в своих публикациях Игоря членом «Памяти», ставя на нём клеймо антисемита. Игорь подставился и его перестали приглашать на телевидение, газеты, радио… У меня, например, или кого-то ещё это вызвало б лишь усмешку, но для Игоря популярность казалась очень важной, он пытался опубликовать опровержение своего членства в «Памяти», но его текст в газеты не брали, объявив бойкот. Игорь начал оправдываться:

«…Мы играем с группой «Спасательный круг», где музыканты, они же и актеры, почти все – евреи, а самый мой близкий друг – музыкальный

руководитель, аранжировщик и лидер-гитарист группы «Спасательный круг» Геннадий Берков – чистокровный еврей и не скрывает этого, в отличие от моих коллег – советских композиторов. Я сужу людей не по национальному признаку, а по наличию у них совести либо – отсутствию её. Порядочный еврей другом мне стать может, тогда как негодяй русский – никогда. Мне приходилось встречать евреев, живущих по христианским принципам, и русских «иуд». Не важно, к какой национальности принадлежит человек, важно, кому он служит…» (из книги «Монолог»)

Антисемитом Игорь, конечно же, не был. В нашем городке, а Игорь здесь формировался до совершеннолетия, для антисемитизма нет почвы: мало коренного, местного люда, почти все – приезжие; в городе шестьдесят лет не имелось ни единого храма, духовной основой существования были здравый смысл и желание выжить, вырастить детей без войны, отдав ребенка в музыкальную школу, танцевальный кружок, спортивную секцию. На себе старшее поколение как бы ставило крест после всех войн, поражений в правах, бесконечных переездов, тюрем и лагерей. Немногочисленная интеллигенция имела в голове мешанину широчайшего спектра – от слегка приземленного толстовства до воспевания Запада, очень модного в те годы. Многие в нашем городе, кроме потомков местных крестьян, люди смешанной крови из советской плавильной печи: чаще других, помимо русской, здесь встречается кровь украинская, татарская, немецкая, еврейская, польская, чувашская, армянская, осетинская, азербайджанская – но в целом на выходе получается русский человек, сформированный русской школой, русским языком, русской культурой… Игорь и сам был полукровкой, вспомним его немецких, польских, украинских предков. Революция, гражданская война, сталинские лагеря, вторая мировая, безбожие, послевоенные стройки не благоволили «великорусскому шовинизму», люди старались просто выжить, получалось далеко не у всех.

Как бы там ни было, в этот период жизни Игорь Тальков приблизил к себе Шляфмана, сделав его директором группы. Мне кажется, он хотел ещё и таким способом избежать обвинений в антисемитизме. Но присутствие рядом Шляфмана включило предсмертный отсчет времени для Талькова. Шляфман провоцировал скандалы, организовывал их на пустом месте. Возможно, Игоря это стимулировало, помогало находиться в творческом состоянии. Ведь творчество иррационально, источник его в подсознательном, творец всегда ставит перед собой предельные задачи, тем более Игорь – человек настроения, очень вспыльчивый, эмоциональный до экстатичности, предельно глубоко чувствующий, влюбчивый, искренний, непосредственный, избегающий лжи даже в мелочах. Для успешного творчества Игорю нужно было ощущать себя на баррикадах, в постоянном сражении, он даже хвалил Шляфмана за излишнюю задиристость:

– Очень смелый человек наш новый директор, сам бросается в драку…

Меж тем, продолжалось время небывалой для России свободы. В начале и середине 90-х одних только предпринимателей за год погибало до 50 000 человек. Ещё больше сгинуло членов уличных группировок, сидельцев, бездомных, несчастных проституток, никому не нужных стариков, бездомных детей…

В нашем шоу-бизнесе Игорь стал первой жертвой начинающегося беспредела. В марте 1993-го зарезали Шишинина, создателя группы «Комбинация». Позднее были убиты Влад Листьев и ещё множество людей менее заметных. В шоу-бизнесе уже тогда вертелись миллиарды черного нала, многие артисты употребляли наркотики, посещали религиозные секты. Евгений Мартынов в 42 года умер во время судебного процесса, затеяв тяжбу с организаторами гастролей по Рязанской области, стараясь отсудить уже заработанные деньги. Погибли от наркотиков Игорь

Сорин, участник группы «Иванушек» и секты «Рэйки Кадуце». Выпал с пятого этажа Мурат Насыров - тоже наркозависимый и тоже сектант... Список безвременно погибших артистов можно продолжать долго. Творческие люди не любят самоограничений, это мешает работать, но из-за вседозволенности у многих душа выгорает стремительно. Душа Игоря не выгорела, скорее устала, это видно по его последним песням:

Надо ж было так устать,
Дотянув до возраста Христа, Господи...
А вокруг, как на парад,
Вся страна шагает в ад
Широкой поступью.

Так честно, искренне, творчески жить, как Игорь, очень сложно. Мы ведь для спокойствия часто идем на компромиссы – тут промолчим, там скажем только часть правды, – а Игорь жил в предельной честности, бил по голове этой честностью родных людей и близких женщин. Особенно тяжело, мне кажется, было его жене Татьяне. По её сдержанным словам Игорь был «не святой, делал ошибки». Как только познакомились, он сразу предупредил: «на первом месте у меня будет работа, на втором мама, а уж на третьем ты». Татьяна прощала ему измены и отлучки, полностью посвятила свою жизнь Игорю, оберегала его, предупреждала каждое его желание. Игорь был влюбчивым, увлекающимся, быстро загорался чувством к другим женщинам, но при этом удивительным образом оставался преданным жене. Она смирилась с его изменами, не подавала вида, что страдает, даже защищала Игоря перед близкими – «ему так нужно». Помимо романов с музыкальными дивами у него были женщины, которые сопровождали его в поездках. Об этом не стоило бы говорить, но личная жизнь Игоря уже давно высвечена в телевизионных «ток-шоу». Одна из спутниц, саксофонистка группы «Спасательный круг» Альбина Боголюбова, ушла от Игоря к подруге. Та её в свою очередь бросила, и Боголюбова умерла в 2008 от алкоголизма. Считается, именно ей посвящена песня «Летний дождь». Незадолго до трагического финала в жизни Игоря появилась новая подруга – Лена Кондаурова. Когда они познакомились, ей было 24 года, ему 33. В группу её привел Шляфман, сделав администратором. Игорю Кондаурова понравилась, он приблизил её к себе. На фотографиях того времени это юная, трогательная девушка со светлыми волосами. Именно Кондаурова ехала с Игорем в последнюю поездку в одном купе, по её словам она была беременна от Игоря, и он хотел, чтобы она рожала. Через десять дней после его смерти у молодой женщины случился выкидыш – она почти не спала, много курила, волосы от стресса выпадали клоками. Татьяна Талькова и Елена Кондаурова после смерти Игоря три месяца прожили вместе, поддерживая друг друга. Затем Елена уехала в Италию работать официанткой в ресторане, нашла там себе мужчину, пригласила Татьяну с подругой в гости. Татьяна отомстила напоследок, рассказав мужчине Елены про Талькова и Шляфмана, разрушив её итальянскую жизнь.

Кроме человеческих встреч, желаний, любовей существует судьба, раз её можно заранее предсказать и почувствовать. Игорь умел это делать, говорил Татьяне в ночь перед гибелью, что ему осталось жить всего несколько недель. Был похожий разговор и с Кондауровой: «Я скоро умру, но убийцу не найдут». – «А мне куда деваться? Я покончу жизнь самоубийством!» – «Тогда мы с тобой не увидимся». – «Тогда я в монастырь уйду!» – «В монастырь не уходят, а приходят. Я знаю, ты доживешь до старости и когда ты умрешь, я тебя встречу и поведу по коридорам».

Шляфман, отчасти, был всего лишь орудием судьбы, не понимая этого. Но вероятность, что действовал он злонамеренно, полностью исключить нельзя:

«Конфликты вспыхивали то и дело, Шляфман провоцировал ребят... Задиристость Шляфмана несколько настораживала: то ли в силу

характера, то ли из желания подчеркнуть свою значительность, вызвать к себе уважение ребят, он, бывало, раззадорит всех и, как моська, спрячется за спину хозяина. А может, и не в характере было дело; возможно… он специально с этой целью и был внедрен в коллектив» (Т. Талькова «Монолог»).

Мозаика судьбы сложилась, когда в питерском «Юбилейном» появился Малахов. Это был человек, абсолютно лишенный духовного зрения, не «видящий краев», как сейчас говорят. Он к этому времени закончил музыкальное училище, поучился во ВГИКе у Сергея Бондарчука и Ирины Скобцевой, написал для Азизы несколько песен («Пустыня», «Аляска», «Викинги») – внешне очень яркий, красивый, мужественный. Бандитизм и мужественность были тогда для некоторых русских чуть ли не синонимами. Убив Талькова, Малахов бросил Азизу ради богатой иностранки Вилмы, гражданки ЮАР, затем расстался и с ней. Чуть раньше состоял в «мазуткинской группировке», которая орудовала в районе Марьиной рощи, был чемпионом Сибири по кикбоксингу, дружил с Женей Белоусовым, водил знакомство с Айзеншписом. После убийства Талькова его начали разрабатывать прокуратура и спецслужбы, в том числе известный сейчас всем Литвиненко, тогда ещё офицер КГБ. Вначале главным подозреваемым считался Малахов, затем следователь прокуратуры Валерий Зубарев, будто специально дождавшись, когда Шляфман через Украину выедет в Израиль, вынес другой вердикт – выстрел, мол, сделал Шляфман. Хотя своим друзьям в подпитии Малахов признавался, что это был его выстрел. Но тогда дело зависло, Шляфман в Израиле сменил фамилию (назвался Высоцким), Малахова осудили за незаконное хранение оружия. После всех тяжб он стал много пить, скрывался от прессы, повесил дома портрет Ленина, говорил, указывая на него: «Вот самый честный человек». А перед этим был послушником Псково-Печерского монастыря, затем ушел в язычество, стал интересоваться мистикой. Перед смертью располнел, выглядел как бесноватый, вся его семья и он сам кончили плохо: брата Олега убили выстрелом в затылок, Малахов умер от болезней в возрасте 53 лет в июле 2016.

Что ещё для нас поучительно – перед смертью Игорь полностью освободился от спасительного контроля самых близких и преданных ему людей. Брат Игоря – Владимир Тальков, работавший в группе осветителем, – поссорился с музыкантами, требовал их уволить, был отправлен Игорем в Германию:

– Поезжай в Германию, к друзьям… отдохнешь, опять вместе работать будем… Не могу я уволить этих людей, совесть не позволяет. Ведь они работали со мной с самого начала, вместе и в нищете пребывали, и на задворках выступали. Как я теперь их выгоню? (В. Тальков «Я воскресну и спою»).

Ольга Юлиевна копалась на даче в Щекино, а в самый день гибели сына отправилась к родственникам в Днепропетровск. Жена Татьяна осталась в Москве с сыном. Владислав Черняев, друг детства и щекинский сосед, один из телохранителей и преданный спутник Игоря, «разруливший» прежде не один подобный конфликт, не поехал на концерт в Питер, поставив ультиматум Игорю – «выбирай, я или Шляфман», – таким образом пытаясь избавиться от скандалиста. Игорь, торопя судьбу, выбрал Шляфмана.

«Если бы Малахов попытался один, без Шляфмана, пройти в гримерку, его бы никто не пропустил, для этого у двери стояли два охранника, которые пропускали только своих и администрацию… Действия Шляфмана носили такой провокационный характер, что поверить в их непреднамеренность сложно, почти невозможно. Как типичный провокатор, он бегал от одного участника назревающего конфликта к другому, передавая… нелицеприятные выражения, разжигая и нагнетая ситуацию, в общем-то, на пустом месте. Наконец Игорь сказал: «Зови сюда этого «дельца», поговорим». В сущности, Талькову был бро-

шен публичный вызов – наглый, дерзкий, хамский, возмутительный. Будучи человеком чести, с обостренным чувством собственного достоинства, он просто не мог его не принять… Кстати, Малахов первоначально отказывался идти в гримерку, но Шляфман настоял… Мучительно хочу узнать, кто же в действительности стоял тогда за всем произошедшим… Почему Шляфман отдал пистолет Малахову, самую главную улику, по которой можно было бы сделать баллистическую экспертизу?.. Почему Малахова сразу же отпустили, поверив в его невиновность? Почему Шляфмана просто подталкивали к отъезду в Израиль… Шляфман в тот момент, когда все вызывали «скорую», набрал какой-то номер и произнес два слова: «Тальков убит». Кому он звонил, зачем?» (Т. Талькова «Монолог»).

Сам конфликт в «Юбилейном» поначалу не стоил, как говорится, выеденного яйца.

«К началу дневного концерта Игорь уже был на площадке Дворца спорта «Юбилейный». Ребята с телевидения предложили ему съездить отсмотреть снятое в августе выступление на Дворцовой площади. Вернулся он к 4 часам. Выход его планировался на 16.20… А там, ещё в его отсутствие, стал зарождаться конфликт… Малахов в начале концерта подошел к ведущему и сказал, что будет перестановка, надо поменять местами Талькова и Азизу, так как она якобы не успевает подготовиться к выходу… в связи с телевизионной съемкой концерт был не «живой», а под фонограмму, и в аппаратной все фонограммы уже были заряжены… Девушка-администратор зашла в гримерную Игоря… и сказала: «Поторопитесь, там вас местами меняют, вам раньше выходить»… Игорь совершенно спокойно это воспринял. Быстро стал одеваться… Почему то в этот день он оделся во все черное… И тут уже отрегулированная ситуация с заменой очередности вновь возникает как повод для амбициозных разборок Шляфмана с Малаховым…

Шляфман отправляется на переговоры с Малаховым. Вернувшись через несколько минут, говорит, что Малахов называл его «Васьком», угрожал, представившись «дельцом теневой экономики», да и самого Талькова тоже «опустил».

– Ну тогда иди и скажи, что я либо своим номером буду выступать, либо вообще не выйду…

В 16.15 Малахов в сопровождении Шляфмана заходит в гримерную, начинает разговор в оскорбительных тонах, ведет себя вызывающе. Игорь, естественно, не мог остаться хладнокровным в такой ситуации, стал, что называется, «заводиться»… ребята, пытаясь «погасить» ситуацию, стали выводить Малахова из гримерки. И в коридоре через несколько мгновений конфликт был практически исчерпан. Но тут опять же появляется Шляфман и бросает Малахову: «Ну что, обос… драться?» Малахов достает пистолет…

Шляфман вбегает в гримерку:

– Игорь, дай что-нибудь, он достал «пушку», – прекрасно зная, что на этот раз Игорь захватил с собой (впервые!) свой газовый пистолет…

– На его «пушку» у нас своя найдется, – говорит Игорь и спокойно… передергивает затвор, распахивает дверь и тут же стреляет два-три раза… должного эффекта от выстрелов не последовало.

Малахов к тому времени уже стал убирать свой револьвер, но тут снова выхватил его. Телохранитель Саня Барковский навалился на него сзади; поспевают еще двое ребят, стараясь вырвать пистолет, выкручивают ему руки. Чтобы как-то «обезвредить» Малахова, Игорь подбегает вплотную и пытается ударить его по голове рукояткой газового пистолета. Раздаются выстрелы уже из боевого оружия… Пистолет у Малахова выбит. Игорь, выронив свой, пятится назад, прижав руку к груди, произносит: «Как больно!» – проходит в состоянии шока несколько шагов по подиуму по направлению к сцене и падает навзничь у большого зеркала…

Оружие оказывается у Шляфмана, который прячет его в бачок в туалетной комнате. Далее по цепочке… наган возвращается к его владельцу. Малахов, никем не замеченный, проходит через зрительный зал… садится в машину и уезжает…

Директор программы посылает ведущего остановить концерт. Тот срывающимся голосом сообщает о случившемся…

17.00. В больнице «скорой помощи» № 10 врачи подняли умершего в реанимацию… чтобы отделить сопровождающих. Жизнь органов тела поддерживалась искусственным дыханием. У Игоря оказалось огнестрельное пулевое слепое проникающее ранение грудной клетки с повреждением сердца, легкого, органов средостения, массивная, запредельная, острая кровопотеря. «С таким ранением не живут, несколько шагов и все…» – сказали врачи» (Т. Талькова «Хроника трагического дня»).

Спасти Игоря было уже нельзя, хотя люди вокруг пытались. Врачи «скорой помощи», увидев, что Игорь мертв, делали все же бесчувственному телу искусственное дыхание и уколы, чтобы их не разорвали на месте. После смерти Талькова некоторые газеты и журналы попытались представить гибель певца следствием вздорного характера Игоря, но народ не поверил. С самого начала в народном сознании явилось убеждение: Игоря убили за правду. Свидетельствую слова земляков Талькова: «Полез в политику – и его грохнули!» «Глубоко стал копать, такого у нас не прощают!» Сразу начал твориться миф об Игоре, его черты на глазах приобрели былинный оттенок.

В любом событии, помимо материальной канвы, есть скрытый или явный духовный пласт. Мы не знаем точно, как двигаются шестеренки судьбы, всё до мелочей предопределено или нам оставлена в чем-то свобода выбора? Мы можем лишь констатировать – смерть вознесла Игоря на ещё большую высоту и оставила там как символ русского сопротивления. Неизвестно, что могло бы случиться, проживи он дольше. Мог ли он пасть, как некоторые кумиры нашей молодости, начав рекламировать пиццу, ведя передачу по кулинарии? Умерев, Игорь останется для многих национальным героем. Вокруг него сформирован миф и его жизнь в этом мифе выглядит как жертва, а в земном мире нет ничего выше жертвы за «други своя». Игорь перед смертью прямо говорит в дневниках, что подражает Христу. Когда такое случается, люди подвергаются яростным нападкам потусторонних сил. Часто им выносится приговор – людьми или нет, – мы не знаем.

Игорь своей жизнью, творчеством защищал популярный взгляд на историю России, право народа на достойную жизнь в этой истории. Его лучшие песни не устарели и через 25 лет после смерти, как лучшие песни Цоя, фильмы Шукшина, повести Валентина Распутина. Какие-то космические, общечеловеческие струны они задевали.

Свидетельствую, у многих земляков Игоря было ощущение, что ему петь не дадут. Когда человек поднимается в ожесточенном бою в полный рост, он почти всегда погибает. Большинство людей ползут, двигаются перебежками, маскируются, иногда отступают, окапываются… Игорь шел в полный рост, потому и погиб так рано. Он знал, что его жизнь заканчивается: *«Мне показалось, что я все написал,/ Что волновало меня в этом мире…» (1991).*

«За несколько дней до гибели Игорь вдруг произнес, что и жить-то ему осталось всего ничего… то ли две недели, то ли два месяца… Я несколько напряглась, не придав этому особого значения… Очень переживал, все говорилось с болью, сожалением. Причем говорил как-то отстраненно, как о том будущем, в котором его уже не будет рядом… Но тогда это воспринималось нормально… какие-то откровения у него бывали» (Т. Талькова «Монолог»).

…А в 2017 после официальных речей у открытого памятника начался концерт, выступали друзья Игоря – постаревшие, немного жалкие. Игорь – молодой, бронзовый, уже не подвластный старости, – возвышался на постаменте, обернувшись к зрителям. Нужно было идти, я шагал сквозь холодный июль, поглядывая на мамаш, выгуливающих в парке своих малышей, и думал, что не всё так грустно. Игорь успел написать песню и про наш город:

Вот поезд тронулся, и позади
Остался маленький город.
Смешно, конечно, но только в пути
Я пойму, как он мне был дорог.
Ну, а пока, скорость набрав,
Мой поезд весело мчится.
Это потом я сорву стоп-кран
И сойду, чтобы к нему возвратиться.

Стоп кран сорвали за Игоря, но дальше все получилось точно как в песне – он возвратился, пока в бронзе. Песни его звучат, память о нем сохраняется, сын Игоря каждый год 6 октября в день смерти отца приезжает в Питер, чтобы устроить концерт у мемориальной доски.

2017